

Отзыв
официального оппонента
доктора филологических наук, доцента
Боевой Галины Николаевны
о диссертации Аси Александровны Макаровой
«Традиции Л. Н. Толстого и их интерпретация в творчестве Л. Н. Андреева»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 5.9.1. – «Русская литература
и литературы народов Российской Федерации»

Грандиозное значение для русской культуры идей Льва Толстого и мощное влияние его традиций на современников и последующие литературные поколения сложно переоценить. Однако безусловное признание масштабности его фигуры сочетается с целым комплексом стереотипов и искажений: как справедливо заметил в своих лекциях о писателе В. В. Биbihин, понимание Толстого в России «отстает хорошо если не навсегда». Второй герой диссертации, Леонид Андреев, своим пограничным в художественном отношении творчеством не перестает вдохновлять исследователей на новые интерпретации, побуждающие к полемике. В этой связи **актуальность представленной к защите работы** не вызывает сомнений.

Научная новизна работы Аси Александровны Макаровой, на первый взгляд, не очевидна: имена Толстого и Андреева многократно сводили в разных контекстах и на разных основаниях. Однако диссертантке удалось подойти к этой далеко не новой теме с несколько освеженной оптикой, во-первых, предлагая комплексный подход, а во-вторых, опираясь не только на ожидаемые сравнительно-типологический и историко-литературный методы, но и на метод биографический, не потерявший своей ресурсности со времен Сент-Бёва. Кажется, впрочем, что выбранная тема предполагает привлечение хотя бы элементов вполне легитимного в литературоведении психоаналитического подхода: он мог бы основательно подсветить семейную ситуацию будущих писателей, выбор ими жизненного пути, пристрастие к некоторым сюжетам. Сила этого метода такова, что исследование получило бы большую глубину проникновения в психологию творчества двух героев диссертации. Вызывает

вопрос и отсутствие в теоретической и методологической части диссертации ссылок на литературоведов, в работах которых были обозначены принципы биографизма как способа претворения «факта в литературу», в том числе применительно к Толстому (Г. О. Винокур, Л. Я. Гинзбург). Как особенность аналитической манеры Аси Макаровой можно отметить социологический крен в интерпретации текстов – он ощутим, например, в пристрастии к слову «буржуазный» (оно употреблено в работе не менее десяти раз как определение общества, мира, уклада жизни, отношений и т. п.), выражениям «ячейка общества» как перифраз «семьи», «передовая интеллигенция».

Содержательная динамика темы отражена в **структуре диссертации**.

Во **Введении** обозначаются необходимые исследовательские позиции: актуальность, цели, задачи, апробация работы, ее методология и степень научной разработанности (кстати, довольно развернутый обзор). **Первая глава** работы посвящена биографическому факту как объекту художественного осмысления в творчестве Толстого и Андреева, причем особое внимание уделяется художественной трансформации в их произведениях детских впечатлений, а также мотивов смерти и обездоленности, «семейной темы». В исследовании последней ощутимы элементы гендерной оптики, хотя специально это не оговаривается. Во **второй главе** исследуется опыт художественного освоения действительности в произведениях писателей – в аспекте веры и концепции личности в свете философско-религиозных поисков. **Третья глава** сближает Толстого и Андреева в их неприятии насилия в разных формах его проявления. **Четвертая же глава** дает представление о героях диссертации как о драматургах-новаторах в контексте их воззрений на драму, в частности, воплощенных в пьесах «Власть тьмы» и «Не убий».

Таким образом, в структурно-содержательном плане очевидна продуманность аспектов и точек сближения писателей с учетом хронологически сообразной перспективы: от автобиографических истоков – к сопоставлению проблематики, сюжетов, мотивов, эстетики. Отметим продуктивность идеи (в

двух последних главах) взглянуть на Толстого и Андреева как на острых публицистов-современников и драматургов-новаторов.

Попытаемся сформулировать **замечания концептуального характера**.

1. Уточняя с опорой на диссертации Е. Н. Левиной о Тургеневе и Т. К. Гусевой об Унамуно (хотя можно было бы в этой части обратиться к трудам «первопроходцев темы» Бахтина, Винокура и Гинзбург) понятия «биографизм», «автобиографизм» и «автопсихологизм», Ася Александровна доказывает в первой главе диссертации, что «толстовские принципы находят отражение в творчестве Леонида Андреева, а их переосмысление становится фактором формирования индивидуального стиля писателя» (С. 28). Ее заключение таково: «И Толстой, и Андреев эстетически переживали факты собственной жизни, а впечатления детства легли в основу их ранних произведений. Биографизм в итоге стал одной из объединяющих особенностей их творчества» (С. 81).

Однако эти выводы из 50 страниц детального аналитического сопоставления оказываются обескураживающе простыми. Здесь можно поспорить и с «эстетическим» переживанием Толстым своей биографии, и с поспешным заключением о близости механизма объективизации биографического материала у двух писателей. Случай Толстого намного сложнее. Вспомним: в литературу он пришел с первой частью автобиографической трилогии – «Детством», опубликованной под названием «История моего детства», что вызвало несогласие автора и уже обозначило движение к объективации и «обобщающему автобиографизму». «Литературный проект» Толстого – это прежде всего путь самопознания, что подтверждается его дневниковыми практиками с их философско-этической подоплекой (об этом лекции Бибихина). Совершенно иной тип дневниковых записей у Андреева (об этом, например, публикации М. В. Козьменко), «литературных» и «компенсаторных» по своей природе. Было бы полезно сравнить дневниковые дискурсы двух писателей, обнаруживающие несходство их интенций как писателей и разные способы взаимодействия у них факта биографии и вымысла.

2. Реалистическое письмо Толстого проистекает из веры в возможность познания мира, как и переход Андреева на язык модернистских эмблем («стена», «ложь» и др.) является производной от его картины мира, в которой главный актер непознаваем. Во второй главе, где сближение писателей предпринимается в контексте их «*философско-религиозных исканий*», игнорируется именно первая, мировоззренческая часть. Если об интересе Андреева к Шопенгауэру, Ницше, Гартману упоминается и его мироощущение вписывается в традицию экзистенциализма, то философские воззрения Толстого в контексте европейской (и не только) мысли остаются непроясненными. Кроме того, на протяжении всей диссертации ее автор не учитывает именно *путь* Толстого и его неравенство самому себе в разные периоды жизни – например, в постановке «семейного вопроса» (с. 179-180). Толстой периода «Анны Карениной» и Толстой, прямо объясняющий свою позицию в Послесловии к «Крейцеровой сонате», – это «разные Толстые», и чьи традиции тогда наследует Леонид Андреев?..

3. Неоспоримое достоинство работы заключается в том, что автор нигде не упускает из внимания сами художественные тексты в качестве предмета литературоведческого анализа. Однако иногда диссертантку интересуют легко считываемые фабульные и мотивные переключки рассматриваемых произведений, без оценки различной функциональности элементов в двух художественных системах. Например, это касается мотива игры («Два гусара» и «Большой шлем») – в чем же принципиальная разница в использовании его Толстым и Андреевым? В то же время приемом контраста активно пользуется не только Андреев, но и Толстой, только иначе.

4. Уязвимо неоднократно практикуемое в диссертации соположение произведений художественных и публицистических, например, «Рассказа о семи повешенных» и статьи «Не могу молчать» (С. 132), в которых один и тот же факт – смертная казнь – осмысливается по-разному и с разными задачами. В то же время не хватает учета жанровой природы «календарных» рассказов Андреева, христианская модальность которых обусловлена литературной традицией «нетолстовского происхождения».

5. В третьей главе исследуется отношение Толстого и Андреева к нарушению «закона жизни», понимаемого диссертанткой чрезвычайно широко: это и социальное насилие, и самоотречение, и половое влечение, и дьявольское наваждение... Учитывая разнообразие трактовок этого концепта в художественных системах двух писателей, хотелось бы более четкого его определения (тем более что в ранней пьесе Андреева «Закон и люди» речь вообще идет об инцесте между братом и сестрой).

6. Андреев, хотя и шел «в фарватере» Толстого, имел склонность к разработке одного и того же мотива в разных стилевых и жанровых регистрах – вплоть до пародии и самопародии. Как Ася Александровна прокомментирует в контексте четвертой главы ее диссертации сатирическую миниатюру «Кающийся», написанную в то же время, что и «Не убий», и явно апеллирующую к толстовской традиции и пьесе «Власть тьмы»?

Разумеется, высказанные вопросы и замечания, хотя и имеют принципиальный характер, не снижают научной ценности настоящей работы.

Если автор имеет намерение переработать свою диссертацию в монографическое исследование, необходимо тщательно вычитать текст и избавиться от досадных **небрежностей частного характера**: нумерация в списке литературы не соответствует номерам ссылок в тексте; встречаются искажения фамилий исследователей, на которые ссылается автор (Городецкая А. Г. вместо Гродецкая А. Г., Галаган Г. Я. вместо Галаган Г. Я.), и даже замена фамилии именем (итальянская исследователь Паолини Марианджела описана как Миранджела П., а китайка Сан Чжин с фамилией Пак – как Чжин, П.С.). Есть неточности в цитатах (например, из монографии автора этого отзыва, на с. 101: «невротичный, суицидально настроенный» превращается в «невзрачный, суицидно настроенный»); имеется повтор абзаца (С. 71-72); литературоведы называются «современными критиками» (С. 19 и 86), а андрееведы почему-то в кавычках...

Эвристическим потенциалом для понимания литературы двух прошлых столетий могут обладать на сегодняшний день лишь исследования, выявляющие

разнообразие векторов развития культуры, точки схождения, отталкивания и взаимовлияния имен, уже ставших историей. И Асе Александровне Макаровой удалось добиться поставленной цели: обнаружить живое воздействие толстовских традиций на нервное письмо его младшего современника, решив сопутствующие задачи (С. 25-26) и обосновав вынесенные на защиту положения (С. 28-29). Теоретическая и практическая значимость рецензируемой диссертации не вызывает сомнений. В автореферате адекватно излагаются основное содержание работы, основные положения которой полностью представлены в публикациях, в том числе в журналах, входящих в список ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Представленная диссертационная работа Аси Александровны Макаровой **«Традиции Л. Н. Толстого и их интерпретация в творчестве Л. Н. Андреева»** соответствует критериям, указанным в Положении о присуждении ученых степеней (утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года, № 842) и предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук, а ее автор **Ася Александровна Макарова** заслуживает присуждения искомой ученой степени по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Доктор филологических наук,
доцент, профессор кафедры
рекламы и связей
с общественностью ФГБОУ ВО
«Санкт-Петербургский
государственный университет
промышленных технологий и
дизайна»

Галина Николаевна Боева

28.02.2025 г.

Боевой Г.Н.
Семко Е.А.
государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный
университет промышленных технологий и дизайна»

Боева Галина Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна», Россия, 191186, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 18; тел. 8-905-2273379; e-mail: g_boeva@rambler.ru